Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (97), 2016

УДК 903.4(470):902.2) 476.2)

Древнерусские становища в археологических памятниках Гомельского Поднепровья

О.А. Макушников

Рассматривается малоизученная категория историко-археологических памятников эпохи Древней Руси, которая представлена в Гомельском Поднепровье становищами X–XI вв. Они выявлены в окрестностях городов, упомянутых летописями (Брагина, Речицы, Рогачева) и предполагаемого города (Лоева). Памятники характеризуются материальной культурой «дружинного» типа, а население – этническим отличием по отношению к местным радимичам и дреговичам.
Ключевые слова: археология, курган, Русь, становище, радимичи, дреговичи.

An understudied category of historical and archaeological monuments of the period of Ancient Rus is described. This category is represented in Gomel Dnieper Region by camps of the 10th–11th centuries. The camps were discovered in the vicinity of the towns mentioned in the chronicle (Bragin, Rechitsa, Rogachyov) and the hypothetic town (Loyev). The monuments are characterized by the material culture of a «druzhina» type. And the population of the camps is marked by ethnic distinction with respect to the local inhabitants – the Radimichi and the Dregovichi.
Keywords: archaeology, burial mound, Rus, camp, Dregovichi, Radimichi.

Во второй половине X в. на Руси в основном завершается процесс ликвидации большей части «племенных» восточнославянских автономий. Радимичи и дреговичи – коренное население Гомельского Поднепровья – разделили общеисторическую участь своих соседей – древлян, северян, кривичей и пр.

Дата падения княжения радимичей, живших в Посожье и сопредельных районах поречья Днепра, – 984 г. Тогда войска великого киевского князя Владимира Святославича под водительством Волчьего Хвоста разгромили отряды радимичей на берегах р. Песчаны [1, с. 59]. Со времени этого события земля радимичей оказывается в плотном кругу геополитических и экономических интересов наследников Владимира Святославича по собственно киевским, черниговским и смоленским ветвям династии Рюриковичей.

Точное время ликвидации автономии дреговичей в письменных источниках не указано. Но в середине X в. они еще сохраняют самостоятельность, выступая данниками Руси. Об этом сообщает в соответствующем разделе историко-политического трактата «Об управлении империей» византийский император Константин Багрянородный [2, с. 75]. По мнению известного исследователя истории и археологии средневекового населения Белорусского Полесья П.Ф. Лысенко, ликвидация дреговичского княжения, скорее всего, произошла незадолго до утверждения Владимиром Туровского княжеского стола около 988 г. [3, с. 118–120].

Беря в свои руки прежние «племенные» центры (Гомий, Чичерск-Чечерск, вероятно, Лоев и др.), Владимир разворачивает в Гомельском Поднепровье (как и в иных регионах крупнейшего государства) широкую градостроительную политику. Последняя шла в русле всестороннего укрепления державы как в экономическом, военно-оборонительном, так и в иных направлениях. В городах размещаются княжеская администрация, духовенство и воинские гарнизоны великого князя.

Однако цель закрепления регионов Руси в составе единого политического, экономического, духовно-культурного и фискального пространства была поставлена еще задолго до правления Владимира – во времена княгини Ольги и ее малолетнего сына Святослава. Для противостояния «племенам» или полного устранения проявлений местного сепаратизма, создания системы нормированного сбора налогов, осуществления государственного контроля над важнейшими торгово-экономическими и военно-транспортными путями верховная власть учреждает свои опорные пункты на местах. Их история начинается около 945–947 гг., когда они были созданы в Древлянской земле, по Днепру, в Новгородской земле и по Десне.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМ. Ф. СКОРИНЫ

Это произошло сразу после разгрома антикиевского древлянского восстания. Повесть Временных Лет сообщает: «Иде Вольга по Деревстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляющи уставы и урокы, [и] суть становища ее и ловища. Иде Вольга Новугороду и устави по Мсте повосты и по Лузе оброки и дани; [и] ловища ея суть по всей земли, знаменья, и места, и повосты, и сани ее стоят в Плескове до сего дьне, и по Днепру перевесища и по Десне …» [1, с. 29]. Комментариям и исторической оценке событий, описанных летописцем и часто именуемых «реформами княгини Ольги», посвящена огромная историография, которая наиболее полно освещена в специальной работе И.Я. Фроянова [4, с. 394–406, 412–421]. Основной вывод исследователей, не рассматривая дискуссионные моменты, можно свести к следующему.

Реформы Ольги пошатнули (а в ряде регионов – свели на нет) устои местной «племенной» власти, заложили основы нового административно-территориального устройства растущего государства, ускорили его торгово-экономическое развитие, заметно упорядочили фискальную политику. Определение мест расположения летописных погостов (повостов) – интересная задача, которую должна решать археология. В понимании автора статьи погосты – это постоянные центры государственной власти, которые выполняли разнообразные функции, в первую очередь, военно-полицейские, административно-управленческие, торгово-экономические и фискальные. Искать такие центры следует в узловых географических точках, которые позволяли осуществлять должный контроль над определенными территориями и стратегическими путями военного и торгово-экономического значения. Изначально погосты должны были быть местами пребывания княжеских вооруженных отрядов, чиновников, также их окружения в составе слуг, ремесленников, земледельцев, скотоводов и промысловиков (последние обслуживали охотничьи и рыболовные угодья – ловища и перевесища). Население погостов должно было отличаться этнической пестротой, поскольку в ближайшее знатное окружение древнерусских князей входили выходцы из Северной Европы и со всех уголков Руси, в т. ч. «разноплеменные» славяне, финны, балты и кочевники. Кроме того, в них могли размещаться интернациональные по составу наемные отряды. Поскольку одной из функций погостов был силовой контроль над местным населением с его «племенной» знатью, в них могли действовать определенные ограничения на личные, в т. ч. брачные связи жителей этих лагерей и аборигенного населения.

Остатки погостов ищут археологи России, Украины и Беларуси. Можно привести в качестве успешного опыта таких поисков результаты исследований Ю.А. Зайца, обосновавшего наличие погоста в современном Заславле (летописном Изяславле) [5, с. 106–118]. Примером погоста в Гомельском Поднепровье является Моховский археологический комплекс, расположенный на правом берегу Днепра севернее Лоева. С 2003 г. он исследуется экспедицией ГГУ им. Ф. Скорины, которая выявила остатки крупнейшего на территории Юго-Восточной Беларуси многофункционального военизированного поселения (городище, собственно поселение, гавань, курганный могильник), расцвет которого приходится на время правления Ольги и ее преемников, вплоть до Ярослава Мудрого, т. е. на вторую половину X – середину XI в. [6, с. 78-95].

В цитированном выше отрывке ПВЛ наряду с погостами упомянуты становища. Определенной ясности об их исторической сущности на страницах летописи нет, но их функциональная связь с погостами очевидна. Учитывая то, что становища названы после погостов, логично предположить, что в иерархии создаваемых государством опорных пунктов они были образованиями низового ранга. Этимология слова «становище» (место стояния, пристанище, лагерь) может подсказать возможный путь поиска археологических памятников им соответствующих. Следует предположить, что становища дополняли выполнение основных функций погостов, но на микрорегиональном уровне. Соответственно, их размеры были меньшими, вероятно, как меньшей была и степень их защищенности. Главной их задачей было расширение возможностей охраны и эксплуатации в финансово-экономических интересах относительно малопротяженных приречных и водораздельных сухопутных участков дорог, особенно, на подступах к городам или погостам. Они должны давать археологический материал, выпадающий из контекста традиционной культуры местного населения и более всего отражаемый в погребальных комплексах.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМ. Ф. СКОРИНЫ

Картографирование в Гомельском Поднепровье специфических раннесредневековых подкурганных захоронений с предметами вооружения и воинского быта, неординарным погребальным обрядом позволяет обозначить цепочку таких памятников, протянувшуюся между летописными Брягином и Речицей через предполагаемый древнерусский Лоев, а также указать на такой памятник под Рогачевом. Предлагаемая хронология становищ определяется состоянием источниковой базы в рамках X–XI вв.

Сеть становищ у Брагина и Лоева картографируется благодаря раскопкам выдающегося исследователя белорусских средневековых древностей, профессора Владимира Зеноновича Завитневича, выполненных им во время «второй археологической экскурсии» в Припятское Полесье (1890 г.) [7, с. 16–17], а один памятник (Лоевский могильник Грегорово Поле) – и с привлечением нового археологического материала.

Погребальные памятники радимичей и дреговичей, проживавших на порубежье их «племенных» территорий, как известно, отличаются господством подкурганных захоронений с обрядом трупоположения на горизонте (ранние) и в яме (поздние), резким преобладанием западной ориентировки умерших, общевосточнославянским набором вещевого инвентаря. Женские могилы выявляют этнографическую специфику погребального убора радимичанок и дреговичанок, который в качестве одного из характерных элементов предполагал особые разновидности металлических украшений – семилучевых височных колец в первом случае и крупнозерненых бус на проволочном каркасе (нередко в составе височного украшения) – во втором. Расцвет моды на такие предметы падает на конец X – первую половину XII вв. [8, с. 113–119, 151–157]. В хорошо изученных могильниках они встречаются регулярно, нередко – десятками экземпляров.

В окрестностях Лоева и Мохова мы наблюдаем памятники, явно выделяющиеся на фоне местной сельской культуры. Таковые отмечены у дд. Колпень и Сенское, а также между Лоевом и Моховом (ур. Грегорово Поле). Колпень находится в 7–8-ми км к западу от Лоевского городища на развилке старых дорог из Колпени в Лоев и Мохов. На разрушенном могильнике, в котором В.З. Завитневич исследовал 18 курганов с ингумациями на горизонте, местные жители собрали много предметов, в т. ч. железные топор и 2 наконечника копий. При раскопках найдены остатки воинского пояса (бронзовые бляшки), а также керамика и пр. В.З. Завитневич заметил, что «Колпеньский могильник, со стороны погребального обряда, представляет явление, совершенно аналогичное с Моховским могильником», но без кремаций [7, с. 16–17]. Итак, в Колпени есть воинские погребения на фоне отсутствия этноопределяющих украшений местного населения. Распаханный могильник у д. Сенское (Синск, ур. Козлово Курганье) в позапрошлом столетии еще насчитывал до 25 насыпей. Он располагался в 12–13-ти км юго-западнее Лоевского городища по старой дороге в Брагин. В.З. Завитневич раскопал здесь 9 курганов, в которых (явно не случайно) встречены только кремации [7, с. 17–18]. На крестьянских могильниках радимичей и дреговичей такая картина нигде не фиксируется.

Достаточно необычная ситуация наблюдается на памятниках в ур. Грегорово Поле. Во время обследования В.З. Завитневича здесь было замечено свыше 70-ти курганов. Проведя раскопки 15-ти из них, исследователь с удивлением отметил, что 2 кургана были «пустые», т. е. не содержали погребений и каких-либо вещей, а в остальных – были костяки, положенные на первоначальный почвенный слой с очень скромным и немногочисленным инвентарем [3, рис. 26: 7, 17, 41, 45, 46, 49], [7, с. 12–13]. Дополнительные раскопки, предпринятые в Грегоровом Поле археологическим отрядом Гомельского дворцово-паркового ансамбля под руководством Д.Н. Линденкова (2014–2015 гг.), несколько уточнили, но существенно не изменили картину (автор публикации признателен исследователю за устную информацию о данных раскопках). Из двух вновь изученных курганов один не содержал погребения (служил кенотафом?), но имел предметы, характерные для захоронений – железный нож на древней поверхности и горшок в насыпи, второй – содержал погребение мужчины с бронзовой лировидной пряжкой, железным ножом и разбитым горшком, а также захоронение ребенка. Раскопки и обследования Д.Н. Линденкова в непосредственной близи от курганов выявили остатки крупного (несколько га) древнерусского поселения. Вызывает вопрос то, что при значительной толщине культурного слоя, чрезвычайно интенсивной его насыщенности крупными об-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМ. Ф. СКОРИНЫ

ломками круговой керамики здесь выявлены лишь единичные т. н. «индивидуальные» находки. Основной период функционирования памятника относится ко второй половине X – середине XI вв. Такая хронология основывается на том, что керамика Грегорова Поля и хорошо датированного Мохова идентична как по профилировке, пропорциям, орнаментации, так и по технологии изготовления.

Сходная картина расположения «нетипичных» могильников X–XI вв. прослеживается и южнее, возле Брагина. В.З. Завитневич и здесь открыл предметы древнерусского вооружения и воинского быта. Приведенные в его публикации фотоснимки пяти топоров показывают, что в курганах присутствовали исключительно боевые или же универсальные топоры [7, рис. на с. 73: 1–5]. Специализированные рабочие топоры в могилы не помещали. В 4–5 км от Брагина у д. Малейки по старой дороге на Лоев в конце XIX в. находились остатки двух сильно распаханных могильников. Раскопки в ур. Курганье (6 насыпей) дали интересный и неожиданный результат: в каждом кургане отмечены признаки вертикально вкопанных деревянных столбов, поднимавшихся, по заключению автора раскопок, на поверхности насыпей. В основании малейковских курганов – ритуальные зольно-угольные горизонты. Только один курган содержал в этом слое кремированные кости, остальные – оказались без останков умерших, т. е. могли быть мемоpативными насыпями-кенотафами, сооруженными в память о погибших на чужбине (надо полагать, воинов). В могильнике, расположенном в ур. Горки Под Котловицами в 1 версте от первого, раскопан 1 курган. На подошве – аналогичный зольно-угольный слой без останков, на котором лежал топор [7, с. 18–20]. Особенность погребального ритуала Малеек – обряд захоронения и наличие топора.

В 8–10-ти км к северо-западу от Брагина находится д. Микуличи. В конце XIX в. в ур. Горки Возле Микуличского Двора имелись остатки крупного курганного могильника (от распашки тогда сохранялось до 60-ти насыпей). В.З. Завитневич исследовал 13 курганов. В десяти из них были открыты ингумации в ямах необычно крупных размеров, названных автором раскопок земляными «склепами». Есть основания предположить, что речь идет о т. н. камерных гробницах, характерных для военно-дружинного сословия Руси X–XI вв. Есть еще одна особенность микуличских могил: их земляные стенки обмазаны известью или обложены березовой корой. В четырех курганах найдено по одному железному топору и «засапожный» нож, представляющий разновидность универсальных – боевых и охотничьих. Прочие находки из Микуличей также связаны с дружинными традициями. Это редкие в археологическом материале конские удила с мундштуком, небольшие весы и весовая гирька с рисунком, костяные рукоятка, части накладок на лук, пуговицы и др. Сразу в нескольких (!) курганах оказались остатки деревянных ведер, причем в одном случае ведро было украшено серебряными бляшками. Ведра в славянском погребальном ритуале могли предназначаться для оставления покойному напитков, например, «хмельного меда» и явно указывают на достаточно высокое социально-имущественное положение усопшего и его ближайшего окружения. И обряд, и вещевой комплекс Микуличского могильника демонстрируют его неординарный характер. Этот памятник явно не имеет общего с крестьянской культурой. Следует заметить, что совсем рядом с Микуличами в могильнике у д. Пожарки (скорее всего, оставленном местным населением) выявлено проволочное височное кольцо с крупнозернеными бусами дреговичского типа [3, рис. 26: 18].

Таким образом, на подступах к Брягину имелись как обычные поселения сельчан-дреговичей, так и становища с иным населением, контролировавшим дороги. Слабая изученность археологических памятников Брягина не позволяет убедительно говорить о его существовании в качестве города уже в X в., но материал этого времени получен в ходе разведочных раскопок М.А. Ткачева 1977 г. [3, с. 17].

Изыскания В.З. Завитневича на правом берегу Днепра близ Речицы также выявили наличие памятников, которые могут быть причислены к кладбищам становищ. В этом плане следует обратить внимание на курганные могильники у дд. Казазаевка и Холмечь Речицкого р-на. Близ Казазаевки, расположенной в 4–5-ти км от Речицкого городища по старой дороге на Лоев, в конце позапрошлого века отмечалось не менее четырех могильников, тогда уже

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМ. Ф. СКОРИНЫ

распаханных и насчитывавших ранее значительно большее количество насыпей. В четверти версты от дер. в могильнике (ур. Дивий Луг, над озером Вышняя Речка) располагался курган гигантских размеров (около 107 м в окружности). Из-за этого, наверное, он даже имел у местного населения собственное название – Волотова или Олотова могила. В.З. Завитневич не сумел его исследовать из-за того, что могила была разграблена кладоискателями. Интересно заметить, что в соседнем кургане, правда, обычных размеров, крестьяне нашли железный топор [7, с. 42]. В коллекции В.З. Завитневича, изученной П.Ф. Лысенко, отмечена находка трехбусинного кольца дреговичского типа, но в каком именно из четырех могильников она была найдена, сказать сложно [3, табл. 8].

Вблизи д. Холмечь, которая находится в 28–30 км юго-восточнее Речицы, в т. н. «Дубовицкой группе» по прибрежной дороге на Лоев насчитывалось 113 курганов. В.З. Завитневич раскопал 13 насыпей. В одном кургане открыто сожжение на горизонте, в двух – груды костей животных, в остальных – ингумации на горизонте. В двух курганах выявлены железные топоры. Самые необычные и более нигде в регионе Верхнего Поднепровья не встреченные находки – чаши из местной черепахи (в двух курганах три экземпляра) и из человеческого черепа (в одном захоронении) [7, с. 28–32]. Обычай изготовления подобных чаш, особенно, из человеческих черепов, не имеет местных корней. Он, несомненно, ведет свое происхождение из элитной воинской кочевнической среды. В этом плане следует вспомнить хрестоматийное сообщение древнерусской летописи, которая свидетельствует, что из черепа убитого в 972 г. великого киевского князя Святослава печенеги изготовили питейную чашу. По-видимому, близ Холмеча были погребены выходцы из кочевнических областей. Сюда они могли попасть в составе интернациональных вооруженных отрядов великих князей или наемников. Следует отметить, что в Холмече В.З. Завитневич обнаружил и височное кольцо с дреговичскими бусами [3, табл. 8], но в каком именно могильнике (Дубовицком или отдельно стоящем Заужельском ?) оно было найдено, без изучения дневниковых записей сказать трудно. Расположение на подступах к Речице становищ в основном повторяет картину, которая наблюдается у Брагина и Лоева: особенности обряда могильников, находки предметов воинского быта, отсутствие этноопределяющих предметов местного населения (при двух спорных случаях).

Вблизи «летописного» Рогачева, примерно в 16–18-ти км к востоку от исторического центра современного города, можно предполагать наличие еще одного становища X–XI вв. Оно располагалось в 400 м к югу от Гадиловичей по старой дороге на Городец в ур. Якимово. В конце XIX в. здесь имелось не менее 90 курганных насыпей. В раскопках белорусского археолога А.Н. Лявданского (1930 г.) и московской экспедиции Г.Ф. Соловьевой (5 насыпей, 1963 г.) исследованы только ингумации на выжженном горизонте, причем все они принадлежат мужчинам. В инвентаре изученных Г.Ф. Соловьевой захоронений присутствуют совершенно не характерные для погребений крестьян металлические поясные накладки гнездовского типа от воинских поясов (курган 3), деревянное ведро (курган 4) и редкая костяная расческа в футляре (курган 4). Памятник отнесен исследовательницей к концу X – началу XI вв. [9, с. 9–10]. Г.Ф. Соловьева обратила внимание на отсутствие в могильнике женских захоронений и на необычный состав погребального инвентаря. Она пришла к выводу о том, что здесь «отдельно, видимо, хоронила своих умерших … дружина (или сторожевой отряд) Рогачева …» [10, с. 53]. Интересно, что в соседнем могильнике, расположенном у Гадиловичей на берегу Днепра, раскопками Г.Ф. Соловьевой (1964–65 гг.), А.Н. Плавинского и В.Н. Рябцевича (1981 г.) выявлены типично радимичские погребения, в т. ч. с характерными семилучевыми височными кольцами [10, с. 50–53], [11, с. 209–210].

Таким образом, становища летописи могут отождествляться с особой категорией памятников, присущих Гомельскому Поднепровью периода закрепления радимичских и дреговичских земель в составе Руси. В настоящее время они выделяются на основе особенностей подкурганных погребальных комплексов, поскольку места размещения самих становищ только начинают изучаться.

Для становищ Гомельского Поднепровья характерны: 1) расположение на стратегических участках дорог, ведущих к городам либо предполагаемым поселениям городского типа; 2) крупные (по сравнению с крестьянскими) кладбища; 3) специфические, разнообразные

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМ. Ф. СКОРИНЫ

обряды захоронений, нередко с заметным процентом «пустых» (меморативных) могил-кенотафов; 4) присутствие в курганных могильниках предметов вооружения (наконечников копий, боевых и универсальных топоров, охотничье-боевых ножей, частей луков); 5) преимущественно неместный и пестрый по происхождению состав населения гарнизонов. К дополнительному признаку можно отнести наличие при погребенных предметов воинского быта и элитной дружинной культуры (деревянных ведер, в т. ч. украшенных металлическими бляшками, удил, питейных чаш из черепах и черепа человека).

К середине XI в. становища, как и тесно связанные с ними функционально погосты (в Гомельском Поднепровье это показывают исследования Моховского комплекса), выполнили свои задачи в процессе государственного строительства и сошли с исторической сцены. По мере развития феодальных отношений их функции перемещались в города, замки, владельческие села или продолжавшие развиваться на их местах рядовые деревни-веси.

Литература

1. Повесть временных лет / под ред. В.П. Андриановой-Перетц. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I. – 404 с.

2. Багрянородный, К. О фемах. О народах / К. Багрянородный ; пер. Г. Ласкина. – М. : Типогр. Московск. ун-та, 1899. – 263 с.

3. Лысенко, П.Ф. Дреговичи / П.Ф. Лысенко ; под ред. В.В. Седова. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 244 с.

4. Фроянов, И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.) / И.Я. Фроянов. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – 512 с.

5. Заяц, Ю.А. Заславль в эпоху феодализма / Ю.А. Заяц ; ред. Г.В. Штыхов. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 207 с.

6. Макушников, О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие / О.А. Макушников. – Гомель : Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2009. – 218 с.

7. Завитневич, В.З. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье / В.З. Завитневич // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. – Киев, 1892. – Кн. VI. – С. 11–74.

8. Седов, В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В.В. Седов ; отв. ред. Б.А. Рыбаков // Археология СССР. – М. : Наука, 1982. – 328 с.

9. Соловьева, Г.Ф. Отчет о работе Радимичского отряда Приднепровской экспедиции ИА АН СССР за 1963 г. / Г.Ф. Соловьева // Центральный научный архив НАН Беларуси. – Фонд археологической научной документации. – Оп. 1. – Д. № 226. – 30 с.

10. Соловьева, Г.Ф. Славянские курганы близ г. Рогачева Гомельской обл. / Г.Ф. Соловьева // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1972. – Вып. 129. – С. 50–53.

11. Плавінскі, А.М. Гадзілавічы / А.М. Плавінскі // Археалогія Беларусі. Энцыкл. : у 2-х т. – Мінск : Бел. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – Том 1. А–К. – С. 209–210.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 25.12.2015

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМ. Ф. СКОРИНЫ